

²⁴ *Непоминающий В.С.* «...На перепутье...»: «Евгений Онегин» в духовной биографии Пушкина: (Опыт анализа 2 главы) // *Вопр. лит.* 1987. № 2. С.143—144.

²⁵ *Непоминающий В.С.* Поэзия и судьба. С.272.

²⁶ *Белинский В.Г.* Сочинения Александра Пушкина. Статья 8. «Евгений Онегин» // *Полн. собр. соч.*: В 13 т. Т.7. М., 1955.

Н.В. Колосницyna

«ИДИ, КУДА ВЛЕЧЕТ ТЕБЯ СВОБОДНЫЙ УМ...»

Среди русских поэтов мало кто так ненавидел всякий вид рабства, как Пушкин. В своем эссе «Прогулки с Пушкиным» А. Синявский весело заявил, что Пушкин «вбежал в литературу на тонких эротических ножках». Это остроумно, но едва ли верно. Легкой любовной лирике Пушкин действительно отдал дань очень рано, быстро осваивая творческий опыт Анакреона, Парни, Батюшкова. Но известность в широких кругах он приобрел стихами с ярким гражданским звучанием. Уже в одном из первых опубликованных стихотворений, «Лицинию», выражено кредо юного поэта: «Свободой Рим возрос, а рабством погублен». А ода «Вольность», хотя и не была опубликована, разошлась в списках по всей России. Поэтому вернее было бы сказать, что Пушкин влетел в литературу на крыльях вольнолюбивой лирики. Его творчество оказало большее влияние на русскую мысль, чем вся пропаганда декабристских обществ.

Любовь к свободе была заявлена Пушкиным сразу и очень смело. И не только в лирике. В первой же южной поэме («Кавказский пленник») ее герой, разочарованный во всем, воодушевлен только идеалом свободы:

Свобода! он одной тебя
Еще искал в пустынном мире.
Страстями чувства истребя,
Охолодев к мечтам и к лире,
С волненьем песни он внимал,
Одушевленные тобою,
И с верой, пламенной мольбою
Твой гордый идол обнимал.

В этих стихах прочитывалось отношение к свободе всех русских людей, испытывавших влияние освободительной войны против наполеоновского ига и не желавших мириться с рабством собственного народа. В оде «Вольность» видели прямой призыв к восстанию:

Питомцы ветреной Судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внимлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Именно поэтому Пушкин был признан «художественным выразителем идеологии декабризма» как самими декабристами, так и официальными советскими литературоведами 1930-х годов. Так же оценивала его и царская полиция, обнаружившая, что у каждого арестованного участника восстания 14 декабря хранились вольнолюбивые пушкинские стихи.

И все же что-то в Пушкине наиболее последовательных декабристов не устраивало. Вызывало недоумение, упрек, а то и прямое осуждение уже само поведение поэта. Его ближайший друг И.И. Пущин писал: «Между тем тот же Пушкин, либеральный по своим воззрениям, имел какую-то жалкую привычку изменять благородному своему характеру и очень часто сердил меня и вообще всех нас тем, что любил, например, вертеться у оркестра около Орлова, Чернышева и других: они с покровительственной улыбкою выслушивали его шутки, остроты...

Странное смещение в этом великолепном создании! Никогда не переставал я любить его; знаю, что и он платил мне тем же чувством; но невольно, из дружбы к нему, желалось, чтобы он наконец настоящим образом взглянул на себя и понял свое призвание»¹.

Не нравились декабристам и слишком вольные любовные стихи, которые, как им казалось, были недостойны высокого таланта поэта. Серьезным и требовательным к себе друзьям Пушкина постоянно хотелось воспитывать его по своему образу и подобию. Воспитывали и Пущин, и «первый декабрист» Владимир Раевский, и А. Бестужев, и К. Рылеев. От Пушкина требовали той же подчиненности жизни и творчества делу свободы, которой отличались сами декабристы. А он не подчинялся ни этому идеалу, ни своим более зрелым, как казалось, друзьям. В жизни Пушкин мог быть легкомысленным, увлекался и женщинами, и карточной игрой, и ссорами с кишиневскими боярами, и многим другим. «Спартанец» В. Раевский призывал Пушкина воспеть времена древней новгородской вольницы, «когда гремело наше вече» и сам народ был царем. Любовную лирику он вообще считал недостойной поэта:

Оставь другим певцам любовь!
Любовь ли петь, где брызжет кровь,
Где племя чуждое с улыбкой
Терзает нас кровавой пыткой.

«К друзьям в Кишинев»

Пушкин и пытался следовать этим советам, даже начал поэму и трагедию «Вадим» о древнем новгородском герое, борьбе с Рюриком, но дальше начала так и не пошел. И не только потому, что легендарный тираноборец был ему, с его стремительно развивающимся историческим сознанием мало интересен, но и потому, что русскую аристократию, которую имел в виду под «чуждым племенем» Раевский, никак не мог считать чужой для народа, так как и сам к ней принадлежал.

Суровые декабристские критики ждали от Пушкина острой сатиры на самодержавие, крепостничество; не найдя ее в первой главе «Евгения Онегина», А. Бестужев осудил роман за ничтожество главного героя. Пушкин не без раздражения возражал: «Твое письмо очень умно, но все-таки ты неправ, все-таки ты смотришь на “Онегина” не с той точки: Ты говоришь о сатире англичанина Байрона и сравниваешь ее с моею, и требуешь от меня таковой же! Нет, моя душа, многого хочешь. Где у меня *сатира*? о ней и помину нет в

“Евгении Онегине”. У меня затрещала бы набережная, если б коснулся я сатиры. Самое слово *сатирический* не должно находиться в предисловии» (10, 104)².

Вообще очень скоро выяснилось, что пушкинское понимание свободы и тем более задач поэзии было не только более широким, чем декабристское, но и просто иным. Пушкин хотел быть свободным от всякой идеи, какой бы возвышенной она ни была. Он был «врагом стеснительных условий и оков» и путь к духовной свободе видел в высокой культуре, образованности, в полной независимости от влияний, в глубоком размышлении обо всех впечатлениях бытия:

В уединении мой своенравный гений
Познал и тихий труд, и жажду размышлений.
Владею днем моим; с порядком дружен ум;
Учусь удерживать вниманье долгих дум;
Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И в просвещении стать с веком наравне.

Эти строки содержатся в послании Чаадаеву, но они кажутся ответом и В. Раевскому на приведенные выше стихи. Что же это за свобода, в объятиях которой поэт ищет вознаграждения? Это свобода быть самим собой, в наибольшей мере реализовать все, что дано человеку природой. Б. Бурсов пишет: «Как там ни говори о человеке, первейшая и главнейшая обязанность человека оставаться всегда человеком. Исходная точка: человеческая природа вечно обнаруживает в себе свое несовершенство, но тем обязательнее для человека отстаивать верность своему человеческому назначению. Значит — непрерывно спрашивать с себя, проявлять непримиримость к своему несовершенству. Без постоянного ощущения своего несовершенства мы бы прекратили всякие размышления о необходимости его преодоления. Истинно совершен тот, кто вечно занят освобождением от несовершенства. Вот как раз таким был Пушкин»³.

Пушкин очень рано понял свое предназначение. Еще в Лицее он написал:

Великим быть желаю,
Люблю России честь,
Я много обещаю —
Исполню ли? Бог весть!
«Про себя»

Здесь замечательны и желание величия во имя чести России, и самоирония, снимающая возможный чрезмерный пафос, и, может быть, осознание трудности поставленной перед собой задачи.

При всем кажущемся легкомыслии поведения Пушкин сознавал свою ответственность перед собственным дарованием. Благодаря «тихому труду» он действительно стал «с веком наравне». Еще в детстве в совершенстве овладев французским языком, в Лицее он изучил греческий, латынь и несколько хуже даже нелюбимый немецкий, а потом еще десять языков, в том числе целый ряд славянских. И это позволяло ему свободно чувствовать себя в любой культуре. Пушкину в равной мере были доступны величие Библии и Корана, гармония античной литературы, блестящее и легкое остроумие французских по-

этов и философов, психологическая глубина, жизненная сила драматургии Шекспира... Он свободно переносился через пространство и время, везде чувствуя себя не гостем, а хозяином.

Всей душой сочувствуя декабристам, восхищаясь их благородством и мужеством, готовностью умереть во имя свободы, Пушкин все же никогда не отождествлял себя с ними, сохраняя и здесь свою независимость. В литературе не раз обсуждался вопрос о том, почему он не был принят в тайные общества. Объясняли по-разному: и полицейской слежкой за поэтом, и недоверием к серьезности его, и стремлением уберечь поэта от возможной кары. Но, видимо, главное-то было именно в независимости его мыслей и поведения. И на самом деле: еще до восстания Пушкин понял и бесперспективность любых освободительных движений, совершаемых в отрыве от народа, и неготовность народов к борьбе за свое освобождение.

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

«Свободы сеятель пустынный...»

В годы же после восстания, обратившись к истории, Пушкин пришел к выводу о невозможности революции в России и все надежды на будущее возлагал на просвещение. Изучив крестьянскую войну под руководством Пугачева, он дал классически ясную и точную формулировку: «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный» (6, 349).

И вместе с тем история дала Пушкину великолепное чувство гордости за Родину, несмотря на все унижения и падения, которые пережил наш народ: «...Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора — меня раздражают, как человека с предрассудками — я оскорблен, — но клянусь честью, ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал» (10, 689).

Вот эта великолепная образованность, высокая просвещенность, глубокий историзм и стали основой свободной мысли Пушкина, ее независимости от чужих мнений, кому бы они ни принадлежали.

Другой опорой независимости было происхождение Пушкина, который гордился своим шестисотлетним дворянством, замечая а прогос: «Мое дворянство древнее». Теперь мы знаем, что оно тысячелетнее: он Рюрикович. Этот вывод любителя-исследователя А. А. Черкашина принят официальным пушкиноведением⁴.

Происхождение имело для Пушкина принципиальное значение, и он сам объяснил это в письме к А. Бестужеву: «Причина ясна. У нас писатели взяты из высшего класса общества — аристократическая гордость сливается у них с авторским самолюбием. Мы не хотим быть покровительствуемы равными. Вот чего подлец Воронцов не понимает. Он воображает, что русский поэт явится в его передней с посвящением или с одою, а тот является с требованием на уважение, как шестисотлетний дворянин, — дьявольская разница!» (10, 115).

Сознание своей сопричастности к великим предкам, а через них — ко всей истории России позволяло Пушкину вести себя на равных даже с царями и великими князьями. Принимая Пушкина, вызванного из ссылки, Николай I был шокирован поведением поэта, который вел себя настолько свободно, что даже присел на край стола.

А как же быть тогда со знаменитыми «Стансами»? Ведь даже ближайшие друзья восприняли это стихотворение как измену прежним убеждениям и форму лести. На это ответил сам Пушкин в стихотворении «Друзьям»:

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.

.....
Текла в изгнание жизнь моя;
Влачил я с милыми разлуку;
Но он мне царственную руку
Простер — и с вами снова я.

В. Непомнящий объясняет появление стихотворений «Стансы» и «Друзьям» тем разговором, который состоялся при встрече поэта с царем. Он предполагает, что Николай I обещал Пушкину скорое освобождение декабристов, сосланных в Сибирь. Об этом и напоминает сравнение царя с его пращуром Петром I в «Стансах»:

Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни...

Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой...

Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращуру подобен:
Как он, неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.

С этим обещанием царя В. Непомнящий⁵ связывает и последнюю строфу знаменитого «Послания в Сибирь»:

Оковы тяжкие падут, —
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

«Оковы падут» не в результате нового победоносного восстания, которое, как понимал поэт, было совершенно невозможно, а в результате выполнения царского обещания, и меч здесь — символ возвращенного дворянского достоинства. Но обещание так и не было выполнено. И это привело поэта к разочарованию. На первых же порах уважение к царю было искренним и глубоким.

Но главная опора независимости Пушкина — это его «своенравный гений», который был подвластен только вдохновению. А вдохновение произвольно, оно не поддается ничьей воле, иногда даже воле самого художника. Это «расположение души к живейшему принятию впечатлений, следственно и соображению понятий, объяснению оных» (7, 41). Оно представляет собой акт художественного мышления, поэтому и приходит только тогда, когда накоплено множество впечатлений, доступных воображению и осмыслению. Вдохновение есть высшее проявление свободы творчества.

Но вот парадоксальная ситуация из повести «Египетские ночи». Здесь импровизатор-итальянец создает на заданную тему гениальные стихи о свободе творчества.

«Вот вам тема, — сказал ему Чарский, — *поэт сам избирает предметы для своих песен; толпа не имеет права управлять его вдохновением* (курсив автора. — Н. К.).

Глаза итальянца засверкали, он взял несколько аккордов, гордо поднял голову, и пылкие строфы, выражение мгновенного чувства, стройно излетели из уст его:» (6, 249—250).

Чарский поражен: «Как! Чужая мысль чуть коснулась вашего слуха и уже стала вашею собственностью, как будто вы с нею носились, лелеяли, развивали ее беспрестанно. Итак, для вас не существует ни труда, ни охлаждения, ни этого беспокойства, которое предшествует вдохновению?...» (там же, 251).

Казалось бы, какая ирония! Можно ли говорить о свободе творчества, если стихи об этой свободе создаются под влиянием чужой воли? Как легко здесь увидеть отрицание свободы творчества, признание зависимости поэта от общества, от власти, от общего мнения. Но ведь стихи, созданные итальянцем, действительно гениальны. Пушкин вложил в его уста мысли, к которым сам обращался много раз и всегда именно для того, чтобы показать независимость поэта:

Таков поэт: как Аквилон,
Что хочет, то и носит он —
Орлу подобно, он летает.
И, не спросясь ни у кого,
Как Дездемона избирает
Кумир для сердца своего.

Да, тема задана извне, но отзыв в душе поэта она находит только тогда, когда уже есть переполненность впечатлениями и внутренняя потребность творчества, когда эта тема уже созрела в подсознании, когда она «трепещет, и звучит, и ищет, как во сне, излиться наконец свободным проявле-

ньем» («Осень»). Так струна резонирует только в ответ на звук, отвечающий ее высоте. Импровизатор мог почти мгновенно откликнуться на волю Чарского потому, что сам был убежден в собственной свободе. Получается прямо-таки гегелевская триада: тезис — поэт свободен, антитезис — вдохновение подвластно чужой воле, синтезис — истинное вдохновение всегда свободно, чем и как бы оно ни было вызвано. Нужна была поистине пушкинская свобода, чтобы таким парадоксальным образом доказывать свободу творчества.

Однако осуществить свободу творчества поэту было совсем не легко. Трагическая сторона жизни Пушкина заключалась в том, что он никогда не знал внешней свободы, кроме, может быть, короткого периода между окончанием Лицея и южной ссылкой. В Лицее он находился под контролем, хотя и доброжелательным, профессоров и воспитателей, а затем, начиная с первых же лет ссылки, под полицейским надзором. Освобожденный Николаем I, он удостоился высокой чести: царь сам вызвался быть его цензором, сам читал некоторые его произведения, забыв, впрочем, освободить Пушкина от обычной цензуры. Поэт не имел права выехать из Петербурга без разрешения властей, не мог оставить осточертевшую ему службу и снять оскорбительный для него мундир камер-юнкера. Но самое трудное для Пушкина было то, что и власти, и друзья-доброжелатели, и продажные журналисты, вроде Булгарина, пытались диктовать темы и задачи его поэзии. Когда он сбежал на Кавказ, тот же Булгарин писал: «Мы думали, что автор “Руслана и Людмилы” устремился на Кавказ, чтобы напитаться высокими чувствами поэзии, обогатиться новыми впечатлениями и в сладких песнях передать потомству великие подвиги русских современных героев. Мы думали, что великие события на Востоке, удивившие мир и стяжавшие России уважение всех просвещенных народов, возбудят гений наших поэтов, — и мы ошиблись»⁶.

Булгарин ошибся не вполне: подвигов русского оружия Пушкин действительно не воспел, но произведения высокого поэтического достоинства написал. Но ждали-то от поэта именно воспевания подвигов. И ждал не один Булгарин: за ним стояли и главнокомандующий русскими войсками Паскевич, и Бенкендорф, и сам царь. Но на этот заказ не отзывалась ни одна струна в душе поэта.

Всех этих критиков, доброжелателей, непрошенных советчиков Пушкин заставил в стихотворении «Поэт и толпа» дать такую самохарактеристику:

Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем холодные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнездятся клубом в нас пороки.
Ты можешь, ближнего любя,
Давать нам смелые уроки,
А мы слушаем тебя.

В. С. Соловьев комментирует: «Последний стих даже по форме выражения есть явная ирония и насмешка: ты, мол, поговори, а мы тебя слушаем. На лживый, лицемерно наглый вызов “черни” отвечает благородный и правдивый гнев поэта:

Подите прочь — какое дело
Поэту мирному до вас!
В разврате камнейте смело,
Не оживит вас лиры глас!»⁷

У Пушкина всегда вызывало негодование или по крайней мере недоумение требование от поэзии какой-то внешней цели: «Ты спрашиваешь, какая цель у “Цыганов”? вот на! Цель поэзии — поэзия — как говорит Дельвиг (если не украл этого). Думы Рылеева и целят, а все невпопад», — писал он В.А.Жуковскому (10, 112). «Думы» целили невпопад именно потому, что были средством пропаганды уже готовой идеи, а не мысли, рожденной самой поэзией.

«Цель поэзии — поэзия». Но что такое поэзия в понимании Пушкина? Об этом можно спорить, и спорят давно и многие. Нам ближе всего понимание пушкинской поэзии Б. Бурсовым и В. Непомнящим. По Бурсову, поэзия — это дисгармония мира, преображенная в гармонию воображением поэта⁸. А В. Непомнящий пишет об удивительном распределении света и тени в поэзии Пушкина — таком распределении, когда восприятие каждой тени заставляет ощутить породивший ее свет: «...Для него *бытие есть безусловное единство и абсолютная целостность* (курсив автора. — Н. К.), в которой нет ничего “отдельного”, “лишнего” и самозаконного — такого, что нужно было бы для “улучшения” бытия отрезать и выбросить»⁹.

То есть тоже гармония — мысль та же, что у Б. Бурсова, хотя и выражена иначе. Превращение дисгармонии мира в гармонию художественной реальности и есть сущность поэзии.

А что дает нам, читателям, такая поэзия? Гармонию в нашей собственной душе, возвышение нашего духа до осознания трагически противоречивой красоты мира. И тогда мы откликаемся на слова поэта:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Сколько гневных осуждений вызвали эти стихи у всех наших демократов, даже у сурового наставника нравственности Л.Н. Толстого! А ведь в них выражено то, что можно назвать единственной целью поэзии. Так понять значение и сущность поэзии мог только истинно свободный человек, осознавший независимость поэта от всяких внешних сил, от требований, провозглашаемых от имени общества. В стихотворении «Из Пиндемонти» Пушкин высказывает свои заветные мысли, которые звучат совершенно еретически с точки зрения любой официальной идеологии (монархической или большевистской — все равно):

Иные, лучшие, мне дороги права;
Иная, лучшая, потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не все ли нам равно? Бог с ними.
Никому
Отчета не давать, себе лишь самому

Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиления.
Вот счастье! вот права...

Интересно, что уже в черновике Пушкин исправил «зависеть от царя» на «зависеть от властей» — и только ли ради цензуры? Может быть, ради обобщения? Тогда это стихотворение можно считать манифестом свободы творчества для любой эпохи.

И революционно-демократических критиков, и советских литературоведов всегда смущали или даже возмущали слова «зависеть от народа». Еще бы! Ведь служение народу почиталось высшей целью поэзии. Но прав Б. Бурсов, когда пишет: «Но кто посмеет сказать, что, отклоняя зависимость и от царя, и от народа, Пушкин ставит знак равенства между царем и народом? Тут дело в другом; — для него вообще нет такой зависимости, которую признал бы он обязательной. В принципе он не согласен ни с какой зависимостью. Даже если бы она исходила и от него самого. Он пишет по вдохновению, а не по заказу. А вдохновение художника — высшая человечность»¹⁰.

Итогом глубоких размышлений Пушкина о свободе творчества можно считать сонет «Поэту»:

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.
Они в самом тебе. Ты сам овой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?

Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

Этой свободы Пушкин не уступал никому. Даже указания своего царственного цензора он вежливо, но твердо игнорировал. Царь посоветовал ему переделать «Бориса Годунова» в исторический роман на манер Вальтера Скотта — Пушкин даже не притронулся к рукописи. Николай пожелал, чтобы из поэмы «Медный всадник» были вычеркнуты такие слова, как «истукан» и «кумир», — Пушкин положил рукопись поэмы в стол, и она была опубликована только после его смерти с исправлениями В. Жуковского.

Итак, будучи политически несвободным, Пушкин полностью сохранил независимость мыслей и творчества. Он мог написать жене неожиданную фразу: «Без политической свободы жить очень можно» (10, 379), — именно потому, что сумел сохранить «свободный ум».

Но была еще несвобода, преодоление которой давалось Пушкину не всегда легко. В 1836 году он написал небольшое четверостишие, поражающее своей откровенностью:

Напрасно я бегу к сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам...
Так, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий,
Голодный лев следит оленя бег пахучий.

И разве не о том же, только иначе, сказано в знаменитом стихотворении «Поэт», где Пушкин говорит, что погруженный в «заботы суетного света» поэт может быть ничтожней всех «ничтожных мира»? А в стихотворении «Воспоминание» он признается:

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

Но прав А. Синявский (Абрам Терц): «Пушкин (страшно сказать!) производит самооценку святого. Святой о себе объявляет в сокрушении сердца, что он последний грешник: Это не скромность и не гипербола, а реальное прикосновение святости, уже не принадлежащей человеку, сознающему ничтожности сосуда, в который она влита»¹¹.

Стихотворение «Поэт» действительно написано по модели жития, в котором духовный перелом и обращение к истинному Богу начинается с горького покаяния. И это не случайное совпадение: юношеские насмешки над тайнами «непорочного зачатия» у зрелого Пушкина сменились глубокими и мудрыми размышлениями о Христе, о высоком нравственном содержании христианства. Но и в отношении своем к религии поэт оставался свободным, далеким от ортодоксии, и покаяние его очень далеко от свойственного многим героям житий самоуничтожения. Даже самые горькие воспоминания Пушкин превращал в светлый мир своей поэзии, тем самым возвышаясь над личной слабостью и находя силы для духовного совершенствования в своей собственной душе. И поэтому поэзия была для него «выше нравственности» (7, 380). И это, может быть, есть высшая мера свободы.

Вот почему, обращаясь к потомкам, Пушкин имел полное право сказать:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

¹ Пуштин И.И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1988. С.58.

² Здесь и далее цит. по: Пушкин А. С. Поли. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Л., 1977—1979. В скобках указаны номер тома и страницы.

³ Бурсов Б. Судьба Пушкина: Роман-исследование. Л., 1985. С.366.

⁴ См.: Таблица «Родословие А.С.Пушкина» / Сост. А. А. Черкашин // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 24. Вкладка, Л., 1991.

⁵ См.: Непомнящий В. Поэзия и судьба. М., 1987.

⁶ Цит. по: Эйдельман Н.Я. Быть может за хребтом Кавказа. М., 1990. С. 207.

⁷ Соловьев В.С. Литературная критика. М., 1990. С. 267—268.

⁸ См.: Бурсов Б. Судьба Пушкина. Гл.2.

⁹ Непомнящий В. Пророк // Пушкинист. М., 1989. С. 197.

¹⁰ Бурсов Б. Судьба Пушкина. С. 362—363.

¹¹ Терц А. Прогулки с Пушкиным // Вопр. лит. 1991. № 9. С. 154.

Е.Е. Приказчикова

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ ПОСЛАНИЯ «К ВЕЛЬМОЖЕ» А.С. ПУШКИНА И ИХ СВЯЗЬ С ФИЛОСОФСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКОЙ ТЕКСТА

Послание Пушкина «К вельможе» принадлежит к числу наиболее исследованных текстов пушкинской лирики. Ему уделялось достаточное внимание в работах Г.А. Гуковского, Д.Д. Благого, Б.В. Томашевского. Блестящий и подробнейший культурно-исторический анализ текста был проделан В.Э. Вацуро в монографическом исследовании послания¹. Анализ композиции пушкинского послания и проблема историзма в произведении занимает значительное место в работе Т.Г. Мальчуковой «Жанр послания в лирике А.С. Пушкина»². Наконец, очень интересное прочтение текста «К вельможе» в контексте эволюции жанра дидактического послания было предложено А.В. Маркиным в его кандидатской диссертации «Жанр дидактического послания в русской литературе: поэтика и история»³.

Тем не менее, как и все поистине великие произведения, послание таит в себе еще множество неисследованных проблем, одна из которых связана с философским смыслом произведения, прочитанным через призму культурных кодов-знаков, присутствующих в тексте. Частично исследованием этой проблемы занимался В.Э. Вацуро, который очень добросовестно рассмотрел историко-генетический и культурологический контекст произведения. Однако его больше интересовал сам по себе культурный контекст кодов, рассмотренных в рамках той исторической эпохи, к которой они принадлежали, будь то античность или эпоха XVIII века. Между тем специальный интерес представляет рассмотрение этих кодов в контексте пушкинского творчества. Кроме того, функционально значимым для понимания философской проблематики произведения может оказаться сравнение культурных кодов, присутствующих в тексте послания «К вельможе» (в их сложном взаимодействии друг с другом), с теми культурными кодами, которые присутствовали в дорожном альбоме князя Юсупова, но сознательно не были использованы в тексте послания. Впервые на это обстоятельство обратил внимание еще В. Э. Вацуро, однако на вопрос, чем обусловлен именно такой отбор материала, почему Пушкин отбирает именно эти культурные мифологемы и отвергает другие, исследователь не дает обоснованного ответа, который мог бы во многом прояснить философский смысл послания, ту концепцию идеального жизнеустройства, над которой Пушкин начал усиленно размышлять начиная с 1830 года. Наконец, специальный интерес представляет проблема взаимоотноше-